

ВОСПИТАНИЕ

Арсений Замостьянов

АДМИРАЛ НАХИМОВ. ЖИЗНЬ ЗА ОТЕЧЕСТВО

23 июня исполняется 110 лет со дня рождения адмирала Павла Степановича Нахимова, героя России. Не по званию, по сути. Несомненно, он был героем православной империи, воспитанным в старорусском духе. Вспомним о нём!

В истории русского флота, пожалуй, найдутся флотоводцы с более блистательным и внушительным перечнем побед. Но вот уже полтора века Россия со слезами на глазах почитает Павла Степановича Нахимова — без преувеличений, неустрашимого героя, грудью защитившего Отечество. Вот кто отдал жизнь за други своя... Герой скромный и неустрашимый.

Великий флотоводец, как это часто бывало в России, родился вдали от морей и океанов, в Смоленской губернии, в семье небогатого честного дворянина. Степан Нахимов был офицером, дослужился до чина секунд-майора.

Сына он не без треволнений зачислил в Морской кадетский корпус. В этом славном учебном заведении Нахимов (далеко не самый родовитый и состоятельный гардемарин) ярко проявил себя в первые же месяцы учёбы. Старательный, терпеливый, не по годам смыслённый, он быстро получил чин мичмана и назначение на бриг «Феникс», отправлявшийся в плавание по Балтийскому морю — кстати, рядом с Нахимовым тогда постигал азы морской науки и другой воспитанник Корпуса — Владимир Даль. Таков был первый поход пятнадцатилетнего гардемарина — увлекательный, полный трудностей. Рвение мичмана было заметно каждому. К концу плавания Павел Нахимов окреп, возмужал.

Академик Тарле так сформулировал главную черту нахимовского характера: «Морская служба была для Нахимова не важнейшим де-

лом жизни, каким она была, например, для его учителя Лазарева или для его товарищей Корнилова и Истомина, а единственным делом, иначе говоря: никакой жизни, помимо морской службы, он не знал и знать не хотел и просто отказывался признавать для себя возможность существования не на военном корабле или не в военном порту. За недосугом и за слишком большой поглощённостью морскими интересами он забыл влюбиться, забыл жениться. Он был фанатиком морского дела, по единодушным отзывам очевидцев и наблюдателей». Яркая и точная характеристика! Это был воин, целиком посвятивший себя ратному служению, отдавший военному флоту все силы, без остатка. Увы, фортуна нечасто улыбалась ему: подобно Суворову, Нахимов надолго задержится в нижних чинах. Виной тому, конечно, не только стечение обстоятельств, но и бедность, отсутствие влиятельных знакомых. Только в годы больших войн можно быстро выдвинуться без протекций... Зато русского матроса Нахимов изучил как никто.

Молодой морской офицер с восторгом изучал биографии великих воинов России, славных предшественников. Прислушивался к легендам о них, пересказанных старыми солдатами. Суворов, Кутузов, Ушаков... Адмирал Уша-

ков — непобедимый русский моряк, чудо-богатырь Чёрного моря. Увы, в годы учёбы Нахимова посмертная слава лучшего русского адмирала несколько померкла. Но моряки помнили флотоводца, не знавшего поражений.

Такого прилежного мичмана флот не видывал — Нахимов всюду стремился быть первым. И вскоре он стал любимцем талантивого флотоводца, будущего адмирала, а в те годы капитана первого ранга Михаила Петровича Лазарева. Лучшего командира и пожелать нельзя. Университетом Нахимова стало трёхлетнее путешествие на фрегате «Крейсер» под командованием Лазарева. В 1826 году Лазарев переводит Нахимова на корабль «Азов» — и началось для будущего адмирала испытание огнём и водой...

На «Азове» Нахимов сражался в Наваринском бою 1827-го (не станем путать это сражение с Наваринским боем 1770-го, в котором отличился адмирал Спиридов). Это морское сражение многим знакомо по картине Айвазовского — художник, разумеется, изобразил там и 74-пушечный «Азов», которым командовал Лазарев. Лазаревский корабль сыграл в том сражении решающую роль, а Нахимов показал удивительную для молодого офицера выдержку. Он командовал батереей, вёл огонь прицельно, эко-

номно. За просто так георгиевскими крестами не награждали, особенно на флоте. А Нахимов после того сражения получил Егория Четвёртого класса.

О событиях того дня писал полковник Е. В. Богданович, всю жизнь собиравший свидетельства о Наваринском сражении: «Азов» находился в сие время между батареями Наваринской крепости и батареями острова Сфактерия, с которых тотчас направлен был перекрёстный огонь против адмиральского корабля и, мало-помалу, против прочих кораблей, по мере приближения их ко входу. Невзирая на сей сильный огонь и на огонь с тройной линии судов, составлявших правый фланг турецкого флота, «Азов» продолжал свой путь, не сделав ни одного пушечного выстрела, и стал на якорь на месте, для него назначенном; «Гангут», «Иезекииль», «Александр Невский» и четыре шедшие за ними фрегата совершили такое же движение и, осыпаемые ядрами, стали в предписываемую им позицию».

Обыкновенный подвиг в духе русского флота тех лет: такие, как Нахимов, и помыслить не могли о поражении, об отступлении, тем более — о капитуляции. К тому времени уже вполне сложился служебный стиль Нахимова, основанный на трудолюбии и умении управлять матросами, которые

смотрели на командира с искренним уважением. Русский матрос если уж кого полюбит, то навсегда. Нахимов ненавидел галломанию, как и всяческое преклонение перед Западом и презрение к русскому простонародью. Как патриот, он был убеждён в том, что XIX век должен принадлежать Российской империи — нужно только служить не щадя живота своего.

Сослуживец будущего адмирала вспоминал: «В Наваринском сражении он получил за храбрость георгиевский крест и чин капитан-лейтенанта. Во время сражения мы все любовались «Азовом» и его отчётливыми манёврами, когда он подходил к неприятелю на пистолетный выстрел. Вскоре после сражения я видел Нахимова командиром призового корвета «Наварин», вооружённого им в Мальте со всевозможной морской роскошью и щегольством, на удивление англичан, знатоков морского дела. В глазах наших... он был труженик неутомимый. Я твёрдо помню общий тогда голос, что Павел Степанович служит 24 часа в сутки. Никогда товарищи не упрекали его в желании выслужиться, а веровали в его призвание и преданность самому делу. Подчинённые его всегда видели, что он работает больше их, а потому исполняли тяжёлую работу без ропота».

та и с уверенностью, что следует им или в чём можно сделать облегчение, командиром не будет забыто».

Нахимов участвовал и в русско-турецкой войне 1828–29-го, служил безупречно, поражений не знал. А в 1845-м (в не столь уж молодом возрасте) стал контр-адмиралом. Высокий вице-адмиральский чин Нахимов получил пятидесятилетним — только теперь он мог испытать себя в роли командующего в больших морских сражениях. Но главное испытание ожидало флотоводца на суше. Эпическое сражение за Севастополь показало самоотверженное бесстрашие русской армии, обречённой на поражение. Виноваты в этом недалёковидные политики, потерявшие союзников... Впрочем, трагическая для России Крымская война 1853–56 началась для Нахимова с блистательной морской победы. Синоп! Нахимов командовал эскадрой. Ему удалось запереть турецкий флот в Синопе, а потом, в бою, истребить вражескую эскадру. Вице-адмирал Осман-паша угодил в плен к Нахимову. Прав был император Николай I, назвавший Синопское сражение «украшением летописи Русского флота». Минуя третью степень, Нахимов получил за эту победу Георгия второй степени.

Император, как и многие в России, мечтал об освобождении пра-

вославных народов от османского владычества. Мечтал и о контроле над Босфором и Дарданеллами. После Синопа казалось, что цель близка.

Но очень скоро пришлось, сдерживая слёзы, топить свой собственный флот, чтобы преградить врагу путь на Севастопольский рейд. Северная бухта так и осталась неприступной, но армия не сумела помешать вражескому десанту занять позиции для атаки Севастополя с суши.

О причинах трагедии можно рассуждать бесконечно. Сказалось техническое отставание России: наши управленцы проспали промышленную революцию. Русские превосходили в военной выучке и англичан, и французов, но нарезное оружие оказалось грозной силой — как и паровые корабли. Рухнули идеи Священного союза, казалось бы, подкреплённые недавними действиями русских в помощь австрийской короне. Английские интересы совпали с османскими, добавим сюда реваншистский дух Наполеона Третьего, который питал к русскому императору ещё и личную ненависть. Но этого мало! Пруссия и Австрия не только не поддерживали Россию, но и готовились к расправе над традиционным союзником... Ф. И. Тютчев тогда обращался к Отечеству:

*О, в этом испытанье строгом,
В последней, в роковой борьбе,
Не измени же ты себе
И оправдайся перед Богом...*

В сентябре 1854-го началась высадка многочисленного (более 60 тысяч) английского- франко-турецкого десанта в Евпатории. Вскоре началась бомбардировка Севастополя. Гибнет адмирал Корнилов... К лету 1855-го противник вплотную подошёл к Малахову кургану — казалось, вот-вот они овладеют Севастополем, а то и «загонят москвитов вглубь лесов». Но Нахимов твёрдой рукой девять месяцев командовал обороной, в том числе более месяца в самых отчаянных условиях. И это была не пассивная оборона. Постоянные вылазки наносили значительный урон врагу. Союзники стянули в Крым 175-тысячную армию. Более семидесяти тысяч погибли под Севастополем. Потери русских превысили сто тысяч...

Когда французам удалось закрепиться на восточном склоне Малахова кургана, только решительность Нахимова и мужество солдат и матросов спасли положение. «В штыки!» — скомандовал адмирал, и горстка чудо-богатырей по-суворовски отразили наступление на Малахов курган. Этот кровавый бой произошёл 18 июня 1855 года. За новый подвиг Нахимова — человека небо-

гатого — наградили «арендой», то есть значительной прибавкой к жалованью.

Планы эвакуации из Севастополя Нахимов резко отрицал. Он поклялся сражаться в Севастополе до последней капли крови — вместе с преданными офицерами и матросами.

Во всех горячих севастопольских делах Нахимов мог опереться на крепкое плечо князя Васильчикова. И князь дал героическому поведению адмирала такую вот оценку: «Не подлежит сомнению, что Павел Степанович пережить падения Севастополя не желал. Оставшись один из числа сподвижников прежних доблестей флота, он искал смерти и в последнее время стал более чем когда-либо, выставляя себя на банкетах, на вышках бастионов, привлекая внимание французов и английских стрелков многочисленной своей свитой и блеском эполет...»

К смерти он относился насмешливо, не позволял себе малейшего проявления трусости. И, конечно, демонстрировал это перед воинством. Тут очевиден педагогический расчёт — как и у Суворова. «С предводителем таким воевать везде хотим!» — так говорили и о Суворове, и о Нахимове. Он бросал матросов на огонь, на штыки, а они называли его «отцом-благодетелем». Видели, что

и сам адмирал не щадил «живота своего», не берётся.

«Если кто-либо из моряков, утомлённый тревожной жизнью на бастионах, заболев и выбившись из сил, просился хоть на время на отдых, Нахимов осыпал его упрёками: «Как-с! Вы хотите-с уйти с вашего поста? Вы должны умирать здесь, вы часовой-с, вам смены нет-с и не будет! Мы все здесь умрём; помните, что вы чёрноморский моряк-с и что вы защищаете родной ваш город! Мы неприятелю отдадим одни наши трупы и развалины, нам отсюда уходить нельзя-с! Я уже выбрал себе могилу, моя могила уже готова-с! Я лягу подле моего начальника Михаила Петровича Лазарева, а Корнилов и Истомин уже там лежат: они свой долг исполнили, надо и нам его исполнить!» Когда начальник одного из бастионов при посещении его части адмиралом доложил ему, что англичане заложили батарею, которая будет поражать бастион в тыл, Нахимов отвечал: «Ну, что ж такое! Не беспокойтесь, мы все здесь останемся!» — вот такие воспоминания об адмирале.

Нет, не ищите здесь суицидальных настроений. Это в традициях русского православного воинства: вставать на путь врага и спокойно, с молитвой и с презрением к трусости встречать смерть.

Помните знаменитую воинскую песню: «Марш вперёд, труба зовёт Чёрные гусары! Марш вперёд, смерть нас ждёт, Наливайте чары!»? Здесь — готовность исполнить долг даже в отчаянных условиях. Будем различать самоубийство и подвиг.

«Так нужно, друг мой, ведь на всё воля Бога! Что бы мы тут ни делали, за что бы ни прятались, чем бы ни укрывались — мы этим показали бы только слабость характера. Чистый душой и благородный человек будет всегда ожидать смерти спокойно и весело, а трус боится смерти, как трус», — говорил Нахимов своему адъютанту в тот летний день. Он побывал на Малаховом кургане, осматривал батареи. А потом, не кланяясь пулям, принялся в подзорную трубу осматривать французские укрепления. Первая пуля пролетела возле локтя. «Они сегодня довольно метко стреляют», — усмехнулся адмирал. Это были его последние слова. Вторая пуля пробила голову, вышла у затылка. Утром 30 июня 1855 года герой Севастополя скончался.

Похороны Нахимова стали настоящей рыцарской тризной. Русские шли за гробом, не боясь обстрелов. Но французская английская картечь умолкла! Даже на вражеских кораблях приспустили флаги. И многие английские морские офицеры в честь героя, по-

разившего их эпическим бесстрашием, обнажили головы. Конечно, не все незваные гости Крыма вели себя столь благородно. Заняв Севастополь, англичане и французы осквернили себя мародёрством — в том числе и на могиле Нахимова.

Гибель адмирала поразила Россию. Он стал символом несгибаемого патриотизма в годы великих разочарований, ведь Крымская война стала для русского самосознания болезненной травмой. Со времён Петра Великого империя не знала крупных поражений, громила всех подряд и расширяла границы. Даже в схватке с Бонапартом русские добились победы. И вдруг — после героической, беспримерной обороны пришлось отдать Севастополь... Нахимов, как известно, этого позора не увидел. А тысячи людей в России после его гибели поняли: Севастополю конец.

Память о Нахимове для русского человека священна, а для моряка — в особенности. Помнит адмирала Севастополь и Петербург, а кадетов — будущих моряков со времён Великой Отечественной мы называем нахимовцами. Режиссёр Всеволод Пудовкин (между прочим, автор фильмов «Суворов» и «Минин и Пожарский»)

сразу после войны снял фильм «Адмирал Нахимов», которому рукоплескали на Венецианском фестивале. В роли адмирала снялся Алексей Дикий — признанный специалист по «отцам-командирам». Его интонации остаются в памяти, вслушиваться в них — наслаждение, мало с чем сравнимое. Фильм снова всколыхнул народную память о герое...

Пока Россия помнит Нахимова, пока произносят его имя с почтением — не переведутся герои на нашей земле. Очень важно не утратить, не утратить извечную связь с героями прошлого. Сильная сторона нашей культуры в том, что Россия до сих пор, по большому счёту, не променяла истинных героев на героев массовой культуры.

Изучая «Основы православной культуры», мы должны вспоминать таких героев, подкрепляя разговор о них демонстрацией кинофильмов, репортажей из Севастополя и Синопа. Да и поездка в город русских моряков, в славный Севастополь, станет для школьников запоминающимся впечатлением и подспорьем в учёбе. Лучшего паломничества для старшеклассников и вообразить нельзя. Нужно только решительное желание!